

*М. В. Стурова***Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50–80-е гг. XIX в.)****M. V. Sturova***Educational Environment in the Akmolinsk and Semipalatinsk Regions in the 1850s-1880s**

Исследуется образовательная среда Акмолинской и Семипалатинской областей на протяжении 50–80-х гг. XIX в. Анализу подвергаются меры по постановке под контроль мусульманских «конфессиональных школ» и образовательная политика по инкорпорированию казахского населения в общекультурную имперскую среду. Изучение поворотных моментов в обозначении политики центра по отношению к обозначенному вопросу позволило выявить ряд законодательных источников, прописывавших позиции центральных властей в отношении образования «иноэтничного компонента». Такими вехами в законодательстве стали 1854 г., когда была создана Семипалатинская область и Области сибирских киргизов; 1868 г., отмеченный образованием Акмолинской области; 70-е гг. XIX в., обозначившие в русле «упорядоченной организации» дифференцированный подход. Это способствовало сосредоточению усилий на министерском уровне по выстраиванию согласованных мер в выработке образовательной политики с поправкой на этноконфессиональные особенности региона. Было выявлено ведущее начало имперской администрации в формировании образовательного пространства. Пристальное внимание обращено на составляющие элементы образовательной среды, сформированные под воздействием этнической и религиозной специфики. Функцию сохранения национального самосознания казахов выполняли «конфессиональные школы» (мектебы, медресе); приходские школы были ориентированы на русскоязычное население, в них казахи обучались бесплатно.

Ключевые слова: этноконфессиональные особенности региона, интеграционная образовательная политика, образовательная среда, Акмолинская и Семипалатинская области, «конфессиональные школы», русско-туземные школы.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-39

Изучение исторической практики включения этнических и конфессиональных регионов в состав Российской империи в комплексе своем достигает и задачи рассмотрения культурно-цивилизационно-

The author focuses on the reconstruction of the educational environment in the Akmolinsk and Semipalatinsk regions throughout 1850s — 1880s. The author analyzes measures taken to get Muslim confessional schools under control and to incorporate the Kazakh population into the imperial cultural environment. Having examined the turning points in central government politics in the area, the author revealed some legislation sources highlighting the central government approaches toward education of the indigenous population. Such key periods in legislation were: 1854, when the Semipalatinsk Region and the Region of the Siberian Kirghiz were founded; 1868, when the Akmolinsk Region was set up; the 1870s, when a differentiated approach within the framework of «orderly organization» was introduced. All those activities helped to focus the ministry's joint efforts on developing new educational policy adjusted to ethnic and religious characteristics of the region. The research has revealed the leading role of the Imperial administration in the formation of the educational environment. A great deal of attention has been paid to the elements of the educational environment (educational institutions), formed under the influence of ethnic and religious peculiarities. The responsibility to develop the Kazakh self-identity was delegated to confessional schools (maktab, madrasa); parochial schools were intended for Russians, the Kazakhs being given free education there.

Key words: ethnic and religious characteristics of the region, educational environment, Akmolinsk and Semipalatinsk Regions, confessional schools, Russian schools.

го аспекта, образовательной политики в отношении «интегрируемых» народностей. Особенное место в этом смысле принадлежит опыту культурной интеграции казахского кочевого населения Степного края.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 12-01-00281 «Политика России в центрально-азиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX — начале XX в.»; проект РГНФ № 12-31-09012 «Центрально-Азиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность».

Необходимость акцентирования внимания исключительно на указанных территориально-административных единицах продиктована обстоятельствами складывания в пределах данных областей образовательной среды, этноконфессиональная специфика которой определила в дальнейшем особенности образовательной политики в Степном генерал-губернаторстве. Следовательно, тщательное изучение законодательного регулирования процессов, происходивших в образовательной среде, а также ответной реакции населения на мероприятия, проводимые на территории Акмолинской и Семипалатинской областей на протяжении 50–80-х гг. XIX в., позволит выявить особенности культурно-образовательной интеграции казахов-мусульман в общеимперское пространство¹.

Особенностью региона, составными частями которого в 1850-х гг. являлись Область сибирских киргизов и Семипалатинская область, была преобладающая численность казахов-мусульман, поэтому именно под воздействием этноконфессионального фактора происходило формирование образовательной среды. Указанные обстоятельства численного превосходства кочевых инородцев над оседлым русскоязычным населением побуждали имперскую администрацию к необходимости: 1) ставить под контроль собственно мусульманские учебные заведения (мектебы, медресе); 2) инкорпорировать казахов в образовательное пространство Российской империи через систему светского и духовного (православного) образования.

Для выяснения процесса реализации этих двух задач необходимо исследовать как религиозную политику в отношении мусульман данной территории, так и роль, место исламских образовательных учреждений в общем контексте интеграционной политики. Так, «отправной точкой» в реконструкции обстоятельств законодательного регулирования процессов в образовательной среде областей Сибирских киргизов и Семипалатинской стали 1820–1850-е гг. Не утративший законную силу Устав о сибирских киргизах, высочайше утвержденный 22 июля 1822 г., сочетал в себе и ориентацию на этноконфессиональный фактор, и установку на культурно-образовательное инкорпорирование. В Уставе обозначалось: «поелику вера Киргиз-Кайсаков по сие время в сущности более языческая, нежели Магометанская: то представляется надежда к обращению многих из них в Христианство» [1, с. 429]. Расчет на обретение лояльности среди казахов через обращение их в пра-

вославие должен был подкрепляться методикой «ненавязчивой христианизации». Проводить ее должны были специальные миссии, которым предполагалось действовать «одними увещаниями и убеждениями без малейшего принуждения»² [2, с. 49, 63]. И вторым этапом идейного закрепления должны стать школы, организуемые при церквях и проповеднических станах [1, с. 429]. Предусматривался также вариант принятия на «казенное иждивение» детей султанов и старшин в военно-сиротские отделения, где те могли также получить «первичные знания» (обучение грамоте и счету). Ограничения по этноконфессиональному признаку в сфере образования не устанавливалось, напротив, в Уставе к «общим правилам» помещения детей в учебные заведения казахи приравнялись к другим этносоциальным группам империи.

О материальном обеспечении упомянутых учебных заведений отмечается только необходимость «содействовать всеми средствами». Допускалась возможность организации школ по инициативе самих казахов: поскольку в Уставе они относились к кочевым инородцам, то не только имели «право отдавать детей своих для обучения в учрежденные от Правительства учебные заведения», а также могли «заводить и собственные школы, но не иначе, как с позволения Гражданских Губернаторов или Областных Начальников» [3, с. 397].

Примером проявления казахским населением инициативы в деле школьного строительства «конфессиональных школ» (мектебов, медресе) может послужить прошение старшего султана Акмолинского округа майора Ибрагима Джаикпаева о необходимости разрешить учреждение в указанной местности 15 домов и мечети с училищем. В донесении Ф. А. Панова, военного губернатора Области сибирских киргизов, 1 июля 1864 г. на имя генерал-губернатора Западной Сибири А. О. Дюгамеля прямо указывалось, что «содержание мечети и нужного при ней духовенства Джаикпаев с детьми принимает на свой счет» [4, с. 499].

К 1865 г. под контроль имперской администрации был поставлен такой значительный элемент образовательной среды, как мусульманские школы. На территории Области сибирских киргизов распространилась практика учреждения мектебов: механизм предусматривал получение разрешения областного правления (при безусловном согласовании действий с генерал-губернатором и Министерством народного просвещения), обязательный контроль со стороны Оренбургского духовного собрания и соблюде-

¹ Обозначая хронологический период рамками 1854 г. (образование Области сибирских киргизов) и 1882 г. (учреждение Степного генерал-губернаторства), следует отметить, что образование Акмолинской области произошло в 1868 г. согласно «Временному положению об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской», когда из Области сибирских киргизов были выделены Акмолинская и Семиреченская области соответственно.

² Однако процесс по созданию миссии был активизирован только в 1880-х гг. при целенаправленной деятельности генерал-губернатора Степного края Г. А. Колпаковского, а непосредственно возникновение относится к 1895 г. — дате образования Омской епархии.

ние Строительного устава. На указанных основаниях в 1865 г. в Акмолинском округе было построено 9 школ при мечетях [4, с. 526].

Более того, в поданной 23 августа 1865 г. указным муллой Акмолинской соборной мечети Юсуповым ведомости говорится, что, кроме обозначенных 9 школ и 11 мулл, «во всяких почти волостях под названием таковых находится достаточное количество лиц из татар и киргиз, которые, не имея указов на это звание, занимаются обучением мальчиков грамоте». К тому же отмечалось и практиковавшееся обучение на дому, когда «для распространения грамотности преподаются мальчикам науки, чрез имеемых почти каждым богатым киргизом своих мулл, с платой им за то, по условиям, деньгами или скотом» [4, с. 527].

Новый этап образовательной политики империи в казахской степи отмечен мероприятием по сосредоточению функций управления инородческими и конфессиональными (мусульманскими) школами — утверждением постановления 20 ноября 1874 г. «О передаче в ведение Министерства Народного Просвещения башкирских, киргизских и татарских школ разных наименований». Среди министерств происходила централизация не только содержательной стороны образовательного процесса посредством передачи соответствующих функций Министерству народного просвещения (МНП), но и вопросов финансового обеспечения и распределения средств на отдельные направления политики образования, одним из которых являются инородческие и конфессиональные (мусульманские) школы. К тому же, специально отмечено, что средства, направлявшиеся «по смете Министерства Внутренних Дел на киргизские школы в областях Акмолинской и Семипалатинской и упомянуты выше в § 263 закона 21 октября 1868 г. также перенесены в смету Министерства Народного Просвещения» [5, с. 103].

Таким образом, учитывая потребность в образовании казахского населения, имперская администрация в 60-х гг. XIX в. давала разрешения на строительство «конфессиональных школ» для казахов-мусульман, обращая внимание на этническое и конфессиональное своеобразие данного элемента образовательной среды. Но Министерство внутренних дел (МВД), контролировавшее через военных начальников, затем, после 1868 г., военных губернаторов мектебы и медресе, не включало в смету государственных расходов суммы на их содержание.

Однако управление учебной частью Акмолинской и Семипалатинской областей не ограничивалось установлением контроля над мусульманскими школами. Важной составляющей образовательной политики была функция интеграции казахского населения в культурно-образовательное пространство. Единственным вариантом, реализовавшимся

в пределах областей, было обучение казахов в приходских школах вместе с детьми русскоязычного населения.

Законодательное оформление практики совместного обучения произошло в 1870-х гг. в виде включения дополнений в Устав гимназий и училищ уездных и приходских, утвержденный 8 декабря 1828 г., и не утративший силу в пределах указанных территориально-административных единиц на рассматриваемом хронологическом этапе. Одним из ведущих принципов являлся открытый доступ к получению первоначальных знаний, что гарантировалось условием: «от вступающих не требуется никакой платы и никаких предварительных сведений»; а также дополнением 1860-х гг.: «в училища могут поступать дети всех исповеданий, а равно и раскольников» [5, с. 8]. Немаловажно отметить, что в Уставе гимназий и училищ отсутствовали специальные комментарии, посвященные необходимости уделять особое внимание ученическому контингенту Акмолинской и Семипалатинской областей. Поправкой на этноконфессиональную специфику можно считать освобождение от посещения Закона Божия.

В общем, на данном этапе (до образования Степного генерал-губернаторства) приходские школы, будучи самыми доступными ступенями к получению начального образования, не осознавались как учреждения, специально ориентированные на казахское население, поэтому в рамках их образовательных программ не предусматривалось выработки специальных мер по включению казахского населения в культурно-образовательное пространство империи.

Вторым направлением интеграционной политики и элементом образовательной среды, целенаправленно выполняющим функцию обрусения казахского населения, более интенсивного его включения в имперское образовательное пространство, являлись русско-туземные школы. Начало практики строительства данного вида учебных заведений было положено учреждением школы для казахских детей. Согласно «Положению о школе для казахских детей» от 3 июля 1857 г. [4, с. 427], первое такое учебное заведение организовывалось при Омском областном правлении сибирских киргизов, и соответственно, находилось под наблюдением военного губернатора; средства на содержания включались в смету МВД. В самой же области наблюдение и ведение отчетной делопроизводственной документации было возложено на надзирателя школы, он обязывался представлять «товарищу военного губернатора, который есть как бы попечитель киргизской школы, или же заступающему его место советнику срочные рапорты и ведомости по установленной форме о состоянии школы, поведении и успехах воспитанников и т. п., в конце же года он

представляет годовой отчет о содержании школы по всем частям».

В 1860-х гг. наметился определенный сдвиг в сторону смещения акцента на активизацию вмешательства имперских властей в создающуюся образовательную среду. Во «Временном положении об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской», утвержденном 21 октября 1868 г., заявлено было о более решительных шагах в данном направлении: в каждом уездном городе иметь школу «для всех без различия народностей». Статьей 209 также узаконено право казахов «устанавливать сборы на устройство и содержание школ и вообще на развитие народн. образования среди них, равно как обращаться на сей предмет остатки от земского сбора, уплачиваемого киргизами на содержание должностных лиц киргизского управления» (цит. по: [5, с. 76; 6, с. 2135]). Акцент на финансовой составляющей проводимых мер выражался в том, что дети казахов могли обучаться в школах МНП вместе с русскими, по согласованию с населением, без взимания платы или с пониженной стоимостью обучения. Следовательно, происходило постепенное слияние образовательных направлений, ориентированных исключительно на казахов и отдельно на русскоязычное население, и явным выражением данной тенденции являлось постепенное включение в смету государственных расходов сумм на содержание вновь открываемых русско-туземных школ. Однако средства на «конфессиональные школы» по-прежнему относились на счет мусульманских казахских обществ.

Оценивая методы управления образовательной средой Акмолинской и Семипалатинской областей, следует отметить, что учебная программа и в целом методика организации русско-туземных школ на данной территории была относительно слабее разработана, чем практика управления образовательным пространством Казанского и Одесского учебных округов. На территории указанных округов действовала в концептуальном отношении в большей степени проработанная программа. Основным регулятором имперской политики здесь являлись Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев, утвержденные 26 марта 1870 г. Содержание Правил таково, что большое внимание уделялось разновидности школ для инородцев, обращенных в христианство, для детей татар-мусульман.

В целом, в большей степени лояльное отношение выражалось в возможности открытия некоторых видов мусульманских школ за счет государственной казны. Например, о финансовой стороне вопроса указано несколько моментов: во-первых, расходы по организации «особых школ» для инородцев-христиан и других «начальных училищ» учреждаются

за счет МВД; во-вторых, относительно татар-мусульман (Казанский и Одесский учебные округа), прописано: «в местностях со сплошным татарским населением учреждать на счет казны начальн. сельские и городские училища». Имперская власть также брала на себя расходы по организации «приготовительных классов» для обучения татар русскому языку. Однако в целях установления «идеологического паритета» в подобные школы приглашаются учителя для «преподавания закона магометанской веры» и почетные блюстители, выбранные татарами «из своей среды», расходы по содержанию которых берут на себя «татарские местные общества» [7, с. 14–15].

Завершают этап оформления практики строительства русско-киргизских школ поправки, принятые 27 января 1881 г. «Об устройстве училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях». С 1 июля указанного года Омская киргизская школа преобразовывалась в пансион для русских и киргизских детей. Единственной статьей дополнительных расходов обозначалась пенсия, назначавшаяся по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири Г.В. Мещеринова «из сумм госуд. казначейства в сумме 100 р. в год, назначалась содержателям пансионов для киргизских детей в Акмолинской и Семипалатинской областях за каждые шесть лет непрерывного содержания ими сих пансионов» [6, с. 2135].

В итоге, обращаясь к обзору образовательной среды Акмолинской и Семипалатинской областей на протяжении 50–80-х гг. XIX в., важно отметить компоненты, сложившиеся в результате направленных действий имперской администрации по инкорпорированию казахского населения в пространство Российской империи. Безусловно, решающую роль на данном хронологическом этапе сыграло этноконфессиональное своеобразие региона. Поставив во главу угла цель — установить контроль над «конфессиональными школами» и обеспечить благоприятную образовательную среду для обрусения казахов, имперское руководство посредством министерств (сначала МВД, после 1874 г. — МНП) организовало «разрешительный порядок» организации мектебов, медресе за счет мусульманских обществ и постепенно сформировало механизм образовательной интеграции, сначала через открытый доступ и бесплатное обучение наряду с русскоязычным населением в школах МНП, затем учредило специальный тип учебных заведений — русско-киргизские школы. И, несмотря на единичные случаи в практике реализации последнего направления к началу 80-х гг. XIX в., тем не менее, выпускники являли собой результат осуществления мер по интегрированию мусульманского населения Киргизской степи в культурно-образовательную имперскую среду.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Собр. 1. — Т. 38. — №29127.
2. Лысенко Ю. А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX в.). — Барнаул, 2010.
3. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 38. — №29126.
4. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.: сборник документов. — Алма-Ата, 1964.
5. Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / сост. П. Аннин. — СПб., 1886. — Ч. 2.
6. Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. — СПб., 1904. — Т. 3.
7. Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колониетских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. — СПб., 1902.